

Формирование современных тюркских наций и проблема самоназвания

Эмир Аблязов

Газета «Голос Крыма new»

Аннотация. В конце XIX – первой половине XX веков произошел процесс становления современного национального самосознания у многих других тюркских народов, в том числе крымских татар. Наследие прошлых веков, когда главное значение имела принадлежность человека к определённой религии, региону, племени или роду, постепенно уходило в прошлое. Постепенно возникла светская национальная идентичность, единый литературный язык. Переосмысливалось историческое прошлое. В некоторых случаях одним из маркеров этих процессов могли выступать и споры о самоназвании нации. Чтобы лучше понять социальные и политические процессы, происходившие в то время в Крыму, следует учитывать и исторический опыт других тюркских стран и народов. Тем более, что в конце XIX – начале XX веков большая часть тюркских народов была объединена под властью Российской империи и соответственно находились в более или менее одинаковых социально-политических и экономических условиях. Имея схожие интересы и общие проблемы, элиты многих тюркских народов, стремились наладить взаимодействие друг с другом.

В данной статье рассматривается процесс становления национального самосознания в Азербайджане, который сопровождали споры о том, как называть население этой страны – азербайджанскими тюрками или азербайджанцами. Также рассказывается о некоторых аспектах взаимодействия крымскотатарского и азербайджанского национальных движений.

Ключевые слова: Крым, Азербайджан, крымские татары, азербайджанцы, азербайджанские тюрки, М. Шахтагинский, Ю. Везиров.

Для цитирования: Аблязов Э.К. Формирование современных тюркских наций и проблема самоназвания // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 132–148. DOI: 10.22378/kio.2024.2.132-148

В 1912 году российский ученый-востоковед Александр Самойлович (1880–1938) снабдил свою статью, посвященную памяти известного тюрколога В. В. Радлова, следующим весьма показательным примечанием: «Среди турецких племен, имеющих особые племенные имена, имеется несколько племен, называемых татарами: крымские татары, касимовские татары, литовские татары, казанские и поволжские татары, западно-сибирские татары. Некоторые та-

тарские писатели пытаются в настоящее время вывести из употребления имя «татар», заменив его или именем «тюрк», или именем «булга»р и т. п. Имя «татарин», как племенное, имеет все права на существование, однако не следует злоупотреблять этим именем, не следует прилагать его к таким племенам, которые татарами никогда не были, в роде минусинских турок, восточно-туркестанских турок и т. д.» [11, с. 25].

Из этих слов видно, что А. Самойлович не имел ничего против использования этнонима «татары», высказываясь лишь против распространения этого термина на те народы, которые, по его мнению, татарами себя не считали. Примечательно, что вольно или невольно ученый упоминает крымских татар первыми среди других тюркских народов, носящих имя «татары».

Необходимо заметить, что А. Самойлович употребляет здесь слова «турок» и «турецкий» в значении «тюрк» и «тюркский» [12, с. 16–17]. Обосновывая свою позицию, А. Самойлович ссылаясь на точку зрения другого видного востоковеда-тюрколога П. М. Мелиоранского:

«Часть ученых (преимущественно немецких) усвоила из значительной части турецких наречий название „тюркских“ для того, чтобы не подавать повода к смешиванию разного рода турецких и „татарских“ племен и наречий с турками-османами, которых в публике привыкли считать и называть „турками“ *par excellence*. Однако в научной литературе давно уже утвердилось за европейскими турками название османов, или лучше „османлы“... Поэтому мы присоединяемся к тем ученым, которые не считают нужным вводить два термина „турок“ и „тюрк“, так как все вышепоименованные народы и племена с таким же правом могут носить объединяющее их имя „турок“, как всевозможные славяне... имя славян» [3, с. 126–127].

Этот подход, однако, не прижился в отечественной науке. Прежде всего потому, что на месте распавшейся Османской империи в 1923 году возникла современная Турецкая Республика.

Постановка вопроса

На рубеже XIX и XX веков тюркские народы вступали в новую эпоху своего исторического развития, переживая переломный этап в процессе становления своего национального самосознания. Это был сложный и многогранный процесс, затрагивавший различные аспекты общественно-политической жизни.

Выработка литературного языка, становление светского национального самосознания, переосмысление своего исторического прошлого и своего места в современном мире относительно других наций и народов были важными маркерами происходивших изменений. Одним из ярких проявлений этого были и вспыхивавшие в среде нарождающейся национальной интеллигенции, дискуссии о названии своей нации и правильности применения по отношению к ней того или иного этнонима. Яркий пример такой дискуссии можно найти в истории Азербайджана.

1 (13) мая 1891 года ежедневная бакинская газета «Каспий» опубликовала небольшую статью под названием «Как называть закавказских мусульман?». Ее автором был известный на Южном Кавказе публицист, педагог и общественно-политический деятель Мухаммед-ага Шахтахтинский (1846–1931). Излагая суть занимавшего его вопроса, М. Шахтахтинский писал следующее:

«До недавнего времени на русском языке называли закавказское магометанское население мусульманами, разумея под этим не вообще исповедателей ислама, а говорящее на тюркском языке население русского Закавказья. Подобное название народности по имени ее религии заимствовано русскими от самих закавказских магометан, которые и поныне называют свою народность и свой язык только мусульманскими, потеряв понятие о языке в понятии о религии. На вопросы, какой он народности и на каком языке говорит, закавказский магометанин другого ответа не дает, кроме того, что он мусульманин и говорит по-мусульмански. Армяно-католики тоже называют свою народность и свой язык только католическими.

Желая дать закавказским магометанам имя, исходящее не от их веры, а от их народности, за последнее время начали на Кавказе на русском языке называть закавказских магометан татарами. Нововведение это нельзя никоим образом назвать удачным» [15].

Аргументируя нежелательность употребления этнонима «татары» М. Шахтахтинский писал, что язык мусульманского населения Закавказья «не татарский, а турецкий или, что одно и то же, тюркский, делящийся на главные диалекты: османский, сельджукский и азербеджанский». Он также утверждал, что ни персы, ни османы, ни курды, ни армяне никогда не называли своих ближайших соседей татарами. «Со времени нашествия Тамерлана имя «татарин» произносится не без злобы и ненависти во всей Азии, которую так незабвенно опустошил грозный монгольский завоеватель», – писал М. Шахтахтинский.

Продолжая обосновывать свою позицию, он указывал на то, что проживающее в Баку русское население, видя разницу между «закавказским тюрком» и татарами внутренних губерний России, называет первых персианами. Но и это название нельзя считать правильным ввиду полного различия тюркского и персидского языков.

В конечном итоге М. Шахтахтинский приходил к следующему заключению: «Удобнее всего было бы называть закавказских мусульман азербеджанцами, а их язык азербеджанским. Провинция Азербеджан, большая часть которой отошла от Персии к России и составляет нынешнее Закавказье, населена почти исключительно этим тюркским народом, который как восточные писатели, так и европейские географы и этнографы иначе и не называют, как азербеджанскими турками. В обиходной жизни неудобно называть народ или язык двумя словами, говоря, например: азербеджанский турок или азербеджанский турецкий язык. Потому целесообразнее было бы на

русском языке закавказских мусульман, вместо татар, называть азербейджанцами, а закавказский тюркский язык вместо татарского азербейджанским».

Эта статья М. Шахтагинского показывает, что в конце XIX века среди тюркоязычного населения Южного Кавказа начался период пробуждения национального самосознания. Если в средние века, прежде всего была важна религия, которую исповедовал человек, его принадлежность к тому или иному роду, клану, племени, то теперь наступала новая эпоха и общество должно было меняться в соответствии с ее вызовами.

В том же 1891 году издававшаяся в Тифлисе (Тбилиси) тюркоязычная газета «Кешкюль» опубликовала материал М. Султанова, в котором так же затрагивалась проблема национальной идентичности мусульманского населения Южного Кавказа. Ведя диалог с воображаемым собеседником, который был, видимо, собирательным образом простого человека, автор стремился продемонстрировать то, какая путаница могла царить в то время в людских умах:

«Вопрос: Какой ты национальности (миллет)?

Ответ: Я мусульманин, тюрк (турок).

Вопрос: Турок-осман?

Ответ: Нет, я байчанлы.

Вопрос: Где находится страна, в которой живут байчанлы?

Ответ: Я могу сказать примерно так, что по одну сторону Аракса живут азе́ри, а по другую – байчанлы. А вместе все называется азербейджани. Но по отдельности мы – байчанлы. (Т. Свентоховский приводит несколько другой вариант перевода последних двух предложений, отмечая наличие игры слов: «По отдельности мы – не “азербейчанлы”, а “бичанлы”. “Бичанлы” означает “бездушный”» [13, с. 16]).

Вопрос: Но ты говоришь по-тюркски, значит, ты турок (тюрк).

Ответ: Это невозможно точно описать словами. Я – тюрк (турок) и одновременно – байчанлы.

Вопрос: Если вы считаете себя тюрками-байчанлы, почему вы не устранили это противоречие, называя себя просто азербейджанскими тюрками?» [1, с. 62–63]

Таким образом, автор «Кешкюля», как и корреспондент «Каспия», считал необходимым внести ясность в вопрос о названии своей нации. Оба они полагали необходимым утвердить среди своих соотечественников приоритет светского самосознания над религиозным, подчеркивая при этом отличие своего народа от говоривших на родственном языке турок-османов.

Но в отличие от М. Шахтагинского «Кешкюль» считал необходимым учесть в названии нации не только территориальную (азербейджанцы), но и языковую составляющую идентичности народа (тюрки-азербейджанцы). Таким образом, начинался спор о том называть ли тюркское население Южного Кавказа азербейджанцами или же азербейджанскими тюрками. То затухая, то вспыхивая, вновь он продолжался в течение последующих ста лет.

Два берега одной реки

Как видно из приведенных выше текстов, нарождающееся в конце XIX века, национальное самосознание тюрко-мусульманского населения Азербайджана четко отделяет себя от говорящих на родственном языке турко-османов. Но выстраивание национальной идентичности требовало для идеологов национального движения и определения своего отношения к соседней Персии и ее многонациональному населению.

В то время как М. Шахтагинский просто отвергал идею называть тюркоязычное население Южного Кавказа персиянами, подчеркивая различие тюркского и персидского языков, то газета «Кешкюль» делала особый акцент общности тюркского населения, проживавшего по обоим берегам пограничной реки Аракс.

На протяжении более чем тысячи лет тюркские народы и персы жили рядом друг с другом. И если тюрки подверглись большому влиянию древней персидской культуры, то сама Персия в течение многих веков управлялась различными тюркскими династиями. Так, например, власть династии Сефевидов (XVI–XVIII вв.) опиралась на союз кызылбашских племен. Кызылбаши были в большинстве своем тюрками, населявшими территорию Азербайджана.

Идеология кызылбашских правителей строилась вокруг защиты и продвижения интересов шиитской версии ислама. Религиозный фактор приобрел большую роль в рамках противостояния империи Сефевидов с Османской империей. Последняя, позиционировала себя в качестве защитника мусульман-суннитов. Геополитическое противостояние вылилось в ряд многолетних, кровавых войн между двумя могущественнейшими империями.

Исповедование одной религии – шиитской версии ислама – сближало тюрков Азербайджана и персов. В то же время продолжительное противостояние с османами делало их в глазах кызылбашей смертельными врагами несмотря на общие этнические корни, восходившие ко временам тюрко-сельджуков.

После кризиса, который пережила Персия в XVIII веке, к власти приходит новая шахская династия тюркского происхождения – Каджары. Империя вступает в период упадка и ослабления центральной власти. На территории Азербайджана возникает ряд полунезависимых ханств.

По итогам русско-персидских войн 1804–1813 и 1826–1828 годов ряд ханств Азербайджана были включенными в состав Российской империи. Как справедливо отмечает в одной из своих работ профессор Тадеуш Свентоховский, это был поворотный момент в истории Азербайджана, когда страна и ее народ оказались разделенными на две части границей, пролегшей между царской Россией и государством Каджаров по реке Аракс (Араз) [13, с. 11].

Национальная печать и ее основатели

Во второй половине XIX века культурная жизнь мусульманских народов Российской империи переживала период возрождения и обновления. Азербайджан находился в авангарде этих процессов. Именно здесь жил и творил один из выдающихся писателей-просветителей того времени Мирза Фатали Ахундов (1812–1878).

Касаясь темы творческого наследия М. Ф. Ахундова, Т. Свентоховский отмечал следующий весьма примечательный момент:

«Так как литературное возрождение исходило из необходимости распространения идей просвещения среди как можно большего числа людей на понятном им языке, данное движение неизбежно вело к созданию новой групповой идентичности. И если Ахундзаде не сомневался в том, что его духовной родиной был Иран, то страной, где он вырос и чей язык стал для него родным, являлся Азербайджан. Его лирическая поэзия была написана на персидском, но труды, затрагивавшие вопросы социального значения, создавались им на родном языке его народа, который он именовал “тюрки” (тюркским). Без какого-либо “раздвоения личности” он сочетал более широкую иранскую идентичность с идентичностью азербайджанской, употребляя термин “ветен” (родина) – для обозначения обеих стран. С этой идеей Ирана как “родины родин” он стал важнейшей фигурой литературного возрождения, процесса, который, по иронии истории, вел к освобождению азербайджанцев в Российской империи от длившегося столетиями иранского культурного доминирования. Эта “деиранизация” нашла определенную поддержку у российских властей, стремившихся ослабить идентификацию азербайджанцев с Ираном. Но поддержка эта была неискренней и непрочной. После отставки просвещенного и либерального Воронцова она свелась к не слишком благожелательной терпимости, а затем, в царствование Александра III, попытке языковой русификации» [13, с. 13].

Как известно, М. Ф. Ахундов в 1840–1850-е годы служил переводчиком в канцелярии царского наместника на Кавказе М. С. Воронцова. Примечательно, что в 1842–1853 годах в непосредственном подчинении М. С. Воронцова в качестве «особого порученца» находился Мустафа Гаспринский – будущий отец великого просветителя [5, с. 19].

В 1875 году учитель бакинской гимназии Гасанбек Зардаби (Меликов) начинает издание газеты «Экинчи» («Земледелец») – первого частного тюркоязычного издания в России. Т. Свентоховский обращает особое внимание на то, что Г. Зардаби был по вероисповеданию суннитом. По его мнению, деятельность Г. Зардаби способствовала артикуляции тюркской идентичности Азербайджана. Это не нравилось царским властям, которые опасались роста проосманских настроений на Южном Кавказе и во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов газета «Экинчи» была закрыта.

Несмотря на то, что основанное Г. Зардаби издание просуществовало недолго, это событие имело большое значение с точки зрения его просвещенных современников. Спустя несколько лет после закрытия «Экинчи» один из них, начиная свой собственный издательский проект, считал необходимым хоть в нескольких штрихах очертить историю появления тюркской печати в России:

«В 1875 г. учитель гимназии Асан-Бек Меликов предпринял в Баку издание еженедельной газеты «Земледелец» на азербайджанском наречии, но, к сожалению, она просуществовала недолго. С 1879 г. в Тифлисе на том же наречии издается бр. Унси-Заде газета «Луч Кавказа» и с начала этого года начато издание ежемесячного литературно-политического журнала «Сборник», обещающего быть серьезным изданием» [10].

Это строки из заметки «Мусульманская печать в России», опубликованной Исмаилом-беом Гаспринским в первом номере газеты «Терджиман», увидевшем свет в Бахчисарае 10 (22) апреля 1883 г. Следует отметить, что под журналом «Сборник» здесь как раз подразумевается упоминаемое выше издание «Кешкюль». Начавший издаваться в январе 1883 года «Кешкюль» был впоследствии преобразован из журнала в газету и просуществовал до 1891 года.

И. Гаспринский несомненно был единомышленником Г. Зардаби и братьев Саида и Джелила Унси-Заде. Примечательно, что, как отмечает В. Ганкевич, свои первые издательские опыты И. Гаспринский осуществил именно в тифлисской типографии братьев Унси-Заде. Именно там были отпечатаны сборники «Тонгуч» («Первенец») и «Шафак» («Рассвет»), явившиеся предшественниками «Терджимана» [5, с. 104–105].

На страницах «Терджимана» И. Гаспринский использовал по отношению к тюркоязычному населению Кавказа термины как «татары», так и «азербейджанцы». В частности, в статье «Поэзия закавказских татар», опубликованной в октябре 1890 года, можно прочитать следующее: «Ни одна из отраслей нашего племени не богата так народными поэтами и народной, в то же время изящной, поэзией, как татары Закавказья. Сказывается ли тут влияние природы или соседство поэтической Персии, но первенство в поэзии должно принадлежать азербейджанцам сравнительно не только с северными и восточными татарами, но даже с османскими турками» [7, с. 407–408].

Использовал И. Гаспринский и термины «кавказские мусульмане» или «мусульмане Закавказья». При этом слово «азербейджанцы» у И. Гаспринского скорее имеет больше признак территориальной чем национальной принадлежности, и стоит в том же ряду, что, допустим «казанцы» или «крымцы» [6, с. 135–136].

И. Гаспринский не упускал случая подчеркнуть схожесть языков тюркских народов. «Европейская Россия вместе с Кавказом и Дагестаном собирает

пятнадцать вилайетов (губерний), где проживает около пяти миллионов магометан. Многие из них тюрко-татарские племена, язык же у них единый. Более того, в разговорной речи они легко объясняются. И все они с лёгкостью могут пользоваться одним литературным языком. Бумага, написанная в Казани, понятна в Оренбурге, Шеки и Бахчисарае. Литературный оборот Бахчисарая с тем же изяществом применителен везде» [6, с. 52], – писал он еще в 1881 г.

Целью И. Гаспринского было создание единого тюркского литературного языка. Однако эта идея не встретила однозначного одобрения. В последние предреволюционные десятилетия в основных регионах населенных тюркскими народами, шли активные споры по вопросу о языке. В конечном итоге спор о языке был решен в пользу самостоятельного развития различных тюркских языков.

Годы революции

В 1917 году увидела свет небольшая статья проживавшего в то время в Киеве молодого азербайджанского писателя Юсифа Везирова (Чемензеинли) под названием «Автономия Азербайджана». Как следует из ее названия, статья эта была посвящена обоснованию необходимости автономии Азербайджана в составе обновленной федеративной республиканской России. Но начинал её Ю. Везиров с обращения к вопросу о самоидентификации своей нации:

«Нас, азербайджанских или закавказских тюрков, очень мало знают в России. Причина этого кроется отчасти в неосведомленности русского общества, а более всего в отсутствии хотя бы любознательности у русской буржуазной печати. Последняя более детально останавливается на описании тактики какого-нибудь негра-борца, нежели насущных потребностей народов России. О старом правительстве и говорить не приходится: оно не только не интересовалось языком, бытом, нравом и традицией своих народов, но нарочно коверкало и искажало национальную физиономию их. Официально нас называли «кавказскими татарами», да и теперь этот термин, наследие недоброй старины, продолжает существовать по отношению к нам. Чаще всего величают нас «Мусульманами Закавказья» (магометанами).

Как тот, так и другой термин далеко не удовлетворительны. Называя «татарами», «предупредительное» русское правительство просто «оберегало» и «охраняло» нас от соседних турок. Мусульманство же определяет нашу религию, а не национальность» [4].

Затем Ю. Везиров перечисляет губернии и области Южного Кавказа, в которых «тюрки-азербайджанцы представляют значительную часть населения». В этих пределах по его мысли, и должно было быть создано «здание будущего автономного Азербайджана». При этом он придает важное значение поддержанию дружеских отношений между основным населением Азербайджана и национальными меньшинствами:

«В Азербайджане кроме тюрков живут армяне, грузины, евреи, русские – все эти народы, составляют меньшинство населения.

Свободный Азербайджан, конечно, обеспечит свободу и права меньшинства. Живя в союзе с другими территориально-автономными единицами России, турки сумеют поддерживать дружбу и со всеми народностями Азербейджана» [14].

Таким образом, можно констатировать, что в сознании Ю. Везирова гармонично сосуществовали Азербайджан, как страна, имеющая вполне конкретные географические очертания, и его основное население, которое он определял как тюркок-азербайджанцев или просто тюрков.

Ю. Везиров был одним из участников Съезда народов, состоявшегося в Киеве 8–14 (21–27) сентября 1917 года. В материалах этого съезда, проводившегося в поддержку идеи федерализации России, указывается, что в нем принимали участие делегации белорусов, грузин, эстонцев, евреев, казаков, латышей, литовцев, поляков, румын, русской партии социалистов-революционеров, татар, тюрков и украинцев [14].

Татарская делегация, возглавлявшаяся Дж. Сейдаметом и А. Озенбашлы, состояла из 10 человек. В основном это были прибывшие из Симферополя члены Временного крымского мусульманского исполнительного комитета (ВКМИК). Кроме того в ее составе значились представитель Всероссийского мусульманского военного Шуро Юсуф Музафаров (казанский татарин) и Джихангир (Джагангир) Гамзаев [14, с. 18]. Интересно, что последний являлся уроженцем Гянджи, приехавшим в Киев еще до революции, чтобы получить высшее образование [16, с. 216]. Описывая работу съезда народов на страницах газеты «Ачыг сёз», Ю. Везиров упоминает, что Д. Гамзаев был делегирован на него в качестве представителя киевского татарского комитета [18, с. 27]. Надо полагать, в этом проявлялся элемент сотрудничества между крымскотатарским и азербайджанским национальным движением. Крымских татар в то время в Киеве было немного, и азербайджанские активисты могли помогать ВКМИК в деле представления его интересов при местных учреждениях.

Выступая на съезде народов, Д. Гамзаев в частности говорил о том, что царские власти на Кавказе называли местное тюркоязычное население татарами, боясь того, что осознав свою тюркскость, оно захочет присоединиться к османам [18, с. 27]. Впоследствии, в 1918 году Д. Гамзаев занял должность секретаря в азербайджанском представительстве в Киеве.

Рассказывая о съезде народов, Ю. Везиров отмечал, что среди его делегатов были представители «крымских и азербайджанских тюрков» («Крым түркләри вә Азәрбайҗан түркләри») [18, с. 25], но, описывая выступления Айше Исхаковой и Амета Озенбашлы, он уже употреблял термин «крымские татары» [18, с. 26].

Делегаты, представлявшие на съезде интересы Азербайджана, указывались в опубликованных по итогам его работы материалах как представители тюрков. Таковых было пять человек, включая самого Ю. Везирова, и все они были обозначены как члены тюркской партии федералистов [14, с. 19].

Следует отметить, что тюркская партия федералистов начала свою деятельность в марте 1917 года в Гяндже. Ее лидером был Насиб-бек Усуббеков. В июне того же года федералисты слились с партией Мусават (Равенство). Объединенная политическая сила получила название – «Тюркская демократическая партия федералистов Мусават» [2, с. 315–316].

Ю. Везиров и национальное движение крымских татар

Весной 1918 года Юсиф Везиров, оставив Киев, приехал в недавно занятый германскими войсками Крым. В Крыму Ю. Везиров вел активную общественную деятельность. На страницах крымскотатарской газеты «Миллет» выходит цикл статей писателя «Азербайджан и азербайджанцы» (1919 г. № 111, 113–116). В этих публикациях он стремился дать крымскому читателю краткую информацию об истории Азербайджана, его литературе, искусстве, экономике, общественной жизни [14, с. 113].

Но публицистика Ю. Везирова не ограничивалась лишь попытками познакомить крымских татар с современным положением Азербайджана и его культурой. Значительный интерес представляет и написанная в это время работа Ю. Везирова под названием «История литовских татар» (Litva tatarlarinin tarixi).

В своих статьях публикуемых для крымскотатарских читателей в газете «Миллет» Ю. Везиров неизменно использует этноним татары, а в своих донесениях в Баку он отмечает сильную приверженность «крымцев» татарской идентичности.

Критикуя горячие головы среди крымских татар, Ю. Везиров так аргументирует свою позицию: «Крымцы наши единокровные братья. Их счастье – наше счастье, их бедствие – наше бедствие; каждый из нас желает видеть крымских братьев независимыми и свободными. Но здесь следует признать, что силы Крыма предельно малы» («Kımlılar bizim qan qardaşlarımızdır. Onların səadəti bizim səadətimiz, fəlakəti bizim fəlakətimizdir; biz hər xüsusda kımlı qardaşlarımızı hür və sərbəst görmək istəyiriz. Lakin burası da etiraf edilməlidir ki, Qırımın qüvvəsi qayət azdır») [17, с. 247].

Весьма примечателен следующий момент из записок Ю. Везирова, где он сообщает, что знаменитый лозунг И. Гаспринского – единство в делах, языке и мыслях имеет в Крыму много противников. Он отмечает, что деятельность Гаспринского не отдалила крымских татар от идей татаризма: «Поэтому вместо закрывшейся газеты «Терджиман» стала выходить газета «Миллет». У крымцев есть горячее татарское течение. Об этом, в частности, у них есть

много записей и стихотворений. Есть одно стихотворение, где поэт восторженно говорит: “Даже если отправите меня в ад, я все равно останусь татаринот”» («O, Turan fikrini təqib etməklə nəinki kırımlıları Turanla birləşdirə bildi, bəlkə onları tatarlıqdan da uzaqlaşdırdı. Bunun üçün “Tərcüman” qəzetəsi qapanıb, əvəzinə “Millət” qəzetəsi çıxdı. Kırımlılarda qızgın bir tatar cərgəyənı var. Bu xüsusda onların bir çox yazıları və mənzumələri var. Bir şeirləri var ki, məaltəsüf onu fəramuş etmişəm, orada şair qayət həyəcanlı bir surətdə deyir: Əgər mənı cəhənnəmə də sürüyüb salsanız, mən yenə tatarım») [17, с. 248].

Весьма вероятно, что здесь Ю. Везиров имеет в виду стихотворение «Татарым!» («Татарин я!») известного крымскотатарского поэта Джемиля Керменчикли (1891–1942). В этом глубоко патриотическом по своему духу произведении, поэт пишет о готовности принять любые удары судьбы, перенести самые страшные кары, но не отказаться от своей национальной идентичности. Поэт заявляет, что готов попасть даже в ад, но не отречься от своего татарского происхождения:

Эр миллете дженнеттен ер верилірсе
Татар олан, дженнеттен кьувулырсе,
Абдия-и джиханде бен январым,
Лякин йине: – Татар! Татар! Татарым!

Подстрочный перевод:

Даже если каждой нации будет дано место в раю,
А татары будут изгнаны из рая,
Я готов вечно гореть в этом мире.

Но я по-прежнему буду: Татаром! Татаром! Татаринот!

Известно, что стихотворение «Татарым!» печаталось в 1918 году в газете «Миллет» дважды. В первый раз в номере от 2 августа, а во второй раз в номере от 16 октября [9]. Из чего можно сделать вывод, что Ю. Везиров вполне мог быть знаком с этим стихотворением Дж. Керменчикли.

Азербайджан и его соседи

Октябрьский переворот и охватившая затем Россию Гражданская война способствовали процессам распада огромной империи. На некоторое время Южный Кавказ оказался предоставлен самому себе. В мае 1918 года была провозглашена независимая Азербайджанская Демократическая Республика (АДР). Становление молодого государства происходило в сложных условиях.

С самого начала Азербайджан оказался втянут в территориальные споры с другими новыми независимыми государствами (прежде всего Арменией). Его положение усугублялось еще и захватом власти в Баку большевиками, которые под предводительством С. Шаумяна пытались распространить свою власть на другие регионы Азербайджана. В соседней Грузии тем временем появились германские войска, однако кайзеровское правительство не желало признавать независимый Азербайджан. Берлин делал ставку на соглашение с

большевиками, намереваясь признать Баку за Советской Россией в обмен на признание последней независимости Грузии и поставки нефти.

Но появление на Южном Кавказе турецких войск (Кавказская исламская армия) переломило ситуацию в пользу Азербайджана. Осенью 1918 года турецкие и азербайджанские войска взяли Баку. Отныне этот стратегически важный город на берегу Каспийского моря стал столицей Азербайджана. Вскоре, однако, поражение Центральных держав в Первой мировой войне привело к выводу османских войск с Южного Кавказа и прибытию в Баку английских военных.

Таким образом, в течение 1918–1920 гг. Южный Кавказ был регионом, который, исходя из своих интересов пытались перекраивать как турки-османы, так и ведущие европейские державы. Тем временем, отчаянно борющиеся друг с другом, лидеры белых и красных, вынашивали планы по восстановлению власти России над Южным Кавказом, после своей победы в Гражданской войне.

Но была и еще одна сторона внимательно наблюдавшая за происходящими в регионе процессами. Персия, управляемая еще династией Каджаров, была слишком слаба, чтобы вступить в борьбу за Южный Кавказ. Однако в Тегеране прекрасно помнили о том, что всего лишь сто лет тому назад большая часть Южного Кавказа подчинялась именно их власти. И еще более хорошо там помнили об огромном количестве тюркоязычного населения в провинциях, граничащих с молодой Азербайджанской Республикой.

Министр иностранных дел АДР Алимардан-бек Топчибашев в своих записках оставил весьма интересное описание беседы с персидским послом в Османской империи Мирзой Махмуд-ханом.

«Вы, конечно, не можете сомневаться, что мы, персы, от души рады вашей свободе. Если армяне и грузины на Кавказе образуют свободные государства, то почему мусульмане так же не могут делать этого. Следовательно, мы не можем быть против вашей самостоятельности, мы первые должны ее приветствовать... Но вы назвали ваше государство «Азербайджаном», что это означает? Означает ли это притязание ваше на настоящий Азербайджан, который находится в пределах Персии?», – говорил персидский посланник А. Топчибашеву, нисколько не скрывая своего раздражения происходящим.

Со своей стороны А. Топчибашев уверял Мирзу Махмуд-хана в отсутствии каких-либо территориальных притязаний. «Такого притязания у кавказских азербайджанцев не было и нет. Ведь это географический термин: Азербайджан имеется на Кавказе и в Персии», – заявлял он.

Однако его собеседник с волнением продолжал свою речь, обнаруживая полное неприятие самой мысли о наличии у тюркоязычного населения Южного Кавказа самостоятельной национальной идентичности:

«Нет, Excellence. Тут больше, чем одна география. Далее. Вы себя считаете азербайджанскими турками. Между тем, в Азербайджане – вообще на Кавказе и в Персии – нет вовсе турок: все персы, ваши отцы и деды – все были персами... У вас цивилизация, культура, традиции, обычаи, даже костюм – все персидские. Впрочем, это вина не ваша. Тон был дан отсюда. Урмия, Соуд-Гулаг, Азербайджан с Тавризом и закавказские мусульмане – всё это входило в планы здешних деятелей, искавших турок там, где их нет» [8, с. 53–54].

Этот диалог, происходивший в Стамбуле в ноябре 1918 года, весьма красноречиво показывает настроения иранских элит, желавших видеть в азербайджанском национальном движении отнюдь не самоопределение народа, а всего лишь направленные против интересов их страны интриги младотурецкого правительства.

Нельзя обойти вниманием и контакты А. Топчибашева с представителями западных стран. Министру иногда приходилось начинать эти встречи с объяснений того, где находится Азербайджан и кто его населяет. Так, американский представитель Браун, услышав название Азербайджан, решил, что его собеседник армянин, тогда как английский полковник Тампл, считал жителей Азербайджана персами [8, с. 66]. «Извините, в Кавказском Азербайджане есть, правда, и армяне, но их очень мало; население же Азербайджана состоит из азербайджанских турок-мусульман. Главный город нашей страны – это Баку» [8, с. 86], – так А. Топчибашев разъяснял американцу ситуацию.

Итак, в период недолгой независимости АДР за ее государствообразующим народом закрепилось название «азербайджанские тюрки» («азербайджанские турки»). Язык, соответственно, именовался азербайджано-тюркским.

Весной 1920 года в Азербайджан вошли части Красной Армии и в республике утвердилась Советская власть. В первые полтора десятилетия существования коммунистического режима утвердившийся в годы независимости этноним «азербайджанские тюрки» продолжал активно использоваться [3, с. 129–130]. Однако в середине 1930-х годов государственная политика в этом вопросе меняется. В процессе принятия новой советской конституции 1936 года в качестве официальных утверждаются наименования «азербайджанцы» и «азербайджанский язык» [3, с. 130]. Очевидно, это решение имело политическую подоплеку и должно было демонстрировать независимость азербайджанской национальной идентичности от турецкой.

После распада Советского Союза в Азербайджане вновь вспыхнули дискуссии вокруг вопроса об этнониме и названии национального языка. В первые годы независимости был принят закон о государственном языке, в котором тот был обозначен как азербайджанский тюркский. Но новая конституция страны, принятая в 1995 году, утвердила за государственным языком наименование «азербайджанский». Тем самым был положен конец и дискуссии вокруг этнонима.

При этом надо отметить, что опыт Азербайджана в вопросе этнонима нельзя бездумно переносить на крымских татар. В отличие от Азербайджана в Крыму этноним татары имел прочные исторические основания, восходящие к эпохе Золотой Орды и Крымского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аух Е.-М. Между приспособлением и самоутверждением. Ранний этап поисков национальной идентичности в среде мусульманской интеллигенции и возникновение нового общества на Юго-Восточном Кавказе (1875–1905) // Азербайджан и Россия: общества и государства. Отв. ред. и сост. Д.Е. Фурман. М.: Летний сад, 2001. С. 50–87
2. Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века (1900–1917). Баку: «Елм», 1997. 336 с.
3. Благова Г. Ф. Вариантные заимствования турок ~ тюрк и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, 1973. С. 93–140.
4. Везиров Юс.-Б. Автономия Азербайджана // Свободный союз, № 1, октябрь 1917 г. С. 4–5.
5. Ганкевич В. На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь: Доля, 2000. 328 с.
6. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмететова. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 384 с.
7. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т.3. Публицистика: 1887–1890 гг. / Гл.ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмететова. Казань – Симферополь: Институт истории им.Ш. Марджани АН РТ, 2019. 560 с.
8. Дипломатические беседы А. А. Топчибашева в Стамбуле (записи чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики). 1918–1919 гг. Баку: «Эргюн», 1994. 160 с.
9. Киримов Т. Н. К вопросу о транслитерации стихотворений Джемиля Керменчикли с арабской графики на кириллицу // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Т. 1 / сост. Киримов Т. Н. Симферополь: Крым-учпедгиз, 2011. С. 264–276.
10. Мусульманская печать в России // Терджиман № 1, 10 апреля 1883 г. С. 1.
11. Самойлович А. Н. В. В. Радлов как турколог // «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приморского отдела РГО», т. XV, вып. 1 (1912), СПб., 1914. С.23–33.
12. Самойлович А. Н. Вильгельм Томсен как турколог // «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приморского отдела РГО», т. XV, вып. 1 (1912), СПб., 1914. С. 16–17.

13. Свентоховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан и Россия: общества и государства. Отв. ред. и сост. Д. Е. Фурман. М.: Летний сад, 2001. С. 11–49.
14. Участники съезда народов // Свободный союз № 1, октябрь 1917 г. С. 14–19.
15. Шахтагинский М. «Как называть закавказских мусульман?» // Каспий, 1 мая 1893 г.
16. Çəmənzəminli Y. V. “Biz kimik?” (məqalələr) / (transfoneliterasiya, tərtib, ön söz və qeydlərin müəllifi: Şəlalə Hümətli). Bakı: Nurlan, 2004. 136 s.
17. Çəmənzəminli Yusif Vəzir. Əsərləri: III cild. Bakı, Avrasiya Press, 2005. 440 s.
18. Misir Mərdanov, Ədalət Tahirzadə. 1920-ci ilədək ali məktəblərdə oxumuş azərbaycanlılar. (Ensiklopedik soraq kitabı). III cild. F – I. Bakı: «Təhsil», 2019. 480 s.

Сведения об авторе: Аблязов Эмир Кязимович – специальный корреспондент газеты «Голос Крыма new» (295001, ул. Чехова, 17, Симферополь, Российская Федерация); emirablyazov1988@gmail.com

Formation of modern Turkic nations and the problem of self-designation

Emir Ablyazov

Newspaper “Voice of Crimea new”

Abstract. In the late 19th – first half of the 20th centuries, many Turkic peoples, including the Crimean Tatars, were in the process of developing modern national identity. The legacy of Middle Ages, when a person’s belonging to a certain religion, region, tribe or clan was of primary importance, was gradually becoming a thing of past. Gradually, a secular national identity and a single literary language emerged. The historical past was rethought. In many cases, disputes about a self-designation of a nation could be one of the markers of the processes.

To better understand the social and political processes that took place in Crimea at that time, one should also take into account the historical experience of other Turkic countries and peoples. Moreover, in the 19th – early 20th centuries, most of the Turkic peoples were united under the rule of the Russian Empire and, accordingly were in more or less the same socio-political and economic conditions. Having similar interests and common problems, the elites of many Turkic peoples sought to establish interaction with each other.

This article examines the process of formation of national self-consciousness in Azerbaijan, which was accompanied by disputes of how to call the population of the

country – Azerbaijani Turks or Azerbaijanis. It also tells about some aspects of the interaction of the Crimean Tatar and Azerbaijani national movement

Keywords: Crimea, Azerbaijan, Crimean Tatars, Azerbaijanis, Azerbaijani Turks, M. Shakhhtakhtinsky, Yu. Vezirov.

For citation: Abyazov E.K. Formation of modern Turkic nations and the problem of self-designation. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 132–148. DOI: 10.22378/kio.2024.2.132-148 (In Russian)

REFERENCES

1. Aukh E. M. Between adaptation and self-affirmation. The early stage of the search for national identity among the Muslim intelligentsia and emergence of a new society in the south-eastern Caucasus (1875–1905). Azerbaijan and Russia: societies and states. Editor-in-Chief and compiler D.E. Furman. Moscow: Summer Garden, 2001. Pp. 50–87 (In Russian)
2. Baghirova I. S. Political parties and organizations of Azerbaijan at the beginning of the twentieth century (1900–1917). Baku: “Elm”, 1997. 336 p. (In Russian)
3. Blagova G. F. Variant borrowings of Turks ~ Türk and their lexical isolation in the Russian language (Towards the formation of a general name for Turkic-speaking peoples). Turkological collection 1972. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 93–140. (In Russian)
4. Vezirov Yus. B. Autonomy of Azerbaijan. Free Union no. 1, October 1917. Pp.4–5. (In Russian)
5. Gankevich V. In the service of truth and education: A brief biographical sketch of Ismail Gasprinsky (1851–1914). Simferopol: Dolya, 2000. 328 p. (In Russian)
6. Gasprinsky I. Complete Works, vol. 2. Early journalism: 1879–1886. Editor-in-Chief R.S. Khakimov; compiled by S.A. Seitmemetova. Kazan – Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 384 p. (In Russian)
7. Gasprinsky I. Complete Works, vol. 3. Journalism: 1887–1890. Editor-in-Chief R.S. Khakimov; compiled by S.A. Seitmemetova. Kazan – Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 560 p. (In Russian)
8. Diplomatic conversations of A. A. Topchibashev in Istanbul (records of the Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of the Republic of Azerbaijan). 1918–1919. Baku: “Ergun”, 1994. 160 p. (In Russian)
9. Kirimov T. N. On the issue of transliteration of poems by Dzhemil Kermenchikli from Arabic script to Cyrillic. Works of the Scientific Research Center of the Crimean Tatar Language and Literature of KIPU, vol. 1. Compiled by Kirimov T.N. Simferopol: Krymchepedgiz, 2011. Pp. 264–276. (In Russian)
10. Muslim press in Russia. Terdzhiman, no. 1, April 10, 1883, p. 1. (In Russian)
11. Samoylovich A.N. V.V. Radlov as a Turkologist. “Works of the Troitsko-savsko-Kyakhta Branch of the Primorsky Department of the Russian Geographical Society”, vol. XV, issue 1 (1912). St. Petersburg, 1914. Pp. 23–33. (In Russian)

12. Samoylovich A. N. Wilhelm Thomsen as a Turkologist. “Works of the Troitskosavsko-Kyakhta Branch of the Primorsky Department of the Russian Geographical Society”, vol. XV, issue 1 (1912). St. Petersburg, 1914. Pp. 16–17. (In Russian)

13. Swietochowski T. Russian rule, modernizing elites and the formation of national identity in Azerbaijan. Azerbaijan and Russia: societies and states. Editor-in-Chief and compiler D.E. Furman. Moscow: Summer Garden, 2001. Pp.11–49. (In Russian)

14. Participants of the People’s Congress. Free Union №1, October 1917. Pp. 14–19 (In Russian)

15. Shakhtakhtinsky M. “What to call Transcaucasian Muslims?” Caspian, May 1, 1893. (In Russian)

16. Chamanzaminli Y.V. “Who are we?” (articles) (transphoneliteration, compilation, foreword and notes by Shalala Hummetli). Baku: Nurlan, 2004. 136 p. (In Azerbaijani)

17. Yusif Vazir of Chamanzaminli. Works: Volume III. Baku, Avrasiya Press, 2005. 440 p. (In Azerbaijani)

18. Misir Mardanov, Adalat Tahirzade. Azerbaijanis who studied in higher education until 1920. (Encyclopedic reference book). Volume III. F – I. Baku: “Tehsil”, 2019. 480 p. (In Azerbaijani)

About the author: Emir K. Ablyazov – Special correspondent of the newspaper “Voice of Crimea new” (17, Chekhov Str., Simferopol 295001, Russian Federation); emirablyazov1988@gmail.com